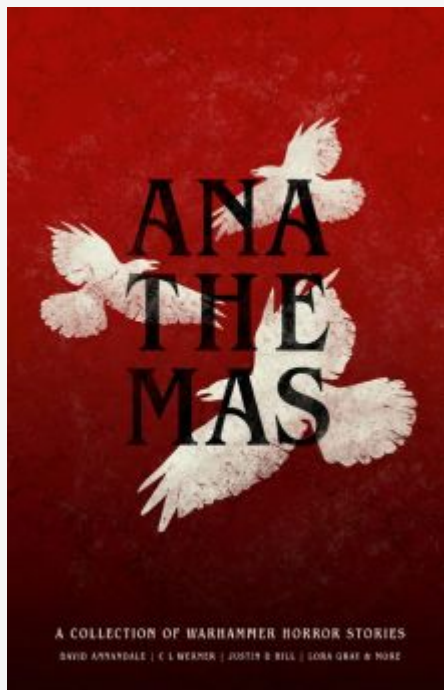

Панихида / The Funeral (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Панихида / The Funeral (рассказ)

Автор	Дариус Хинкс / Darius Hinks
Переводчик	Brenner
Издательство	Black Library
Серия книг	Warhammer Horror
Входит в сборник	Анафемы / Anathemas
Год издания	2020
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Какой прок от щита, когда мертв его носитель? Какой прок от слуги без господина?

Базилика в Эремесе - зеркальное отражение выстроившего ее Империиума. Призрак величия, карикатура с обрушившимися колоннадами и гниющими шторами. Знаменитый купол все еще цел, но муралы утратили живость, с годами поблекнув до бледной серости. Резные святые кружат в бесцветном небе, их доспехи потускнели в небрежении, а мечи покрылись пушистым лишайником. Плиты пола влажные, поросшие мхом и облепленные илистыми отложениями - предостережение, оставленное

постоянно подбирающимся морем. Эremos постепенно поглощает океан. С каждым годом приливы поднимаются немного выше, а пол проседает чуть ниже. Воздух сыр и холоден. От него у меня во рту остается соленый привкус. Все это место напоминает разлагающийся труп.

Как я и ожидал, ни один скорбящий не пришел отдать дань почтения, однако на всякий случай я жду еще немного, обходя алтарь по кругу и отрабатывая разнообразные позиции и стойки, делая выпады и отступая. Взмахивая мечом в стылом воздухе, я проговариваю названия движений: Арзен, Софико, Масий, Аккус, Лимни - они впитались в мою память крепче, чем лицо матери. Каждый день, проведенный мной на службе инквизитору Раббату, делал меня ценнее. Даже сейчас, когда меня замедляют возраст и рана, клинок рассекает разноцветные лучи света со смертоносной легкостью. Я - крестоносец Воконис, слуга и защитник инквизитора Раббата. И я *не* подвел его.

Когда дверь со скрипом открывается, это удивляет меня так сильно, что я оступаюсь. Это дознаватель Ташк. Самое похвальное из достижений инквизитора Раббата. Человек, не уступавший интеллектом самому Раббату.

Я опускаю меч и со скрежетом убираю его в ножны. Какое-то мгновение я слишком поражен, чтобы заговорить, но затем слегка кланяюсь:

- Брат Ташк.

Он едва заметно кивает с той же снисходительной улыбкой, что была на его лице и в последний раз - да и в остальные тоже. Он считает меня простецом: кибернетически улучшенными мускулами, которые пускают в ход, когда не справляется интеллект. Он понятия не имеет, кто я и что я.

Ташк постукивает по осыпающейся колонне, провоцируя небольшую панику у насекомых.

- Он действительно мертв?

Он не проявляет никаких эмоций. Зачем он пришел? Считает, что Раббат мог что-то ему оставить? Возможно, он думает, что тот завещал ему инквизиторскую печать - разумеется, не в буквальном смысле, но посредством рекомендательного письма или какого-то другого весомого документа. Быть может, Ташк и служил Раббату, но он никогда не *верил* в него. Наверняка у него есть некий более тайный мотив прийти сюда.

Я киваю.

- Он мертв.

Он наконец-то достаивает меня прямого взгляда.

- Воконис, почему панихида здесь? Почему не в столице? Мне пришлось пересечь половину континента.

- Раббат поклялся больше никогда не возвращаться в Тимфады после того, как у него забрали печать, - отвечаю я. - Казалось неправильным везти его туда теперь. Я выбрал базилику, потому что здесь мы последний раз были все вместе. Последний раз, когда Раббат...

Я запинаясь. У меня нет желания рассказывать Ташку, сколь низко пал инквизитор после отлучения. Мне никогда не хотелось, чтобы люди вроде Ташка узнали, во что превратился Раббат в последние месяцы жизни, когда им овладело безумие. Они увидят в этом подтверждение, доказательство того, что прелат поступил правильно, когда изгнал его из ордена.

- Это было последнее место, где он мог работать как положено, - произношу я.

Выражение лица Ташка вечно непросто разгадать. Он носит на лице символ Инквизиции - перечеркнутую букву I, крепко прибитую к черепу. Кусок железа делит его лоб пополам и заканчивается у переносицы. Из-за этого линия бровей нарушается, и кажется, будто он постоянно хмурится. Может статься, он *действительно* постоянно хмурится. Должно быть мучительно жить в его мире. Мире, где личная карьера значит так же много, как и вера.

Смахнув грязь с прогнившей скамьи, он усаживается, положив голову на рукоять своего меча. Он правдоподобно изображает молитву, но я сомневаюсь, что его привели сюда религиозные убеждения.

Его присутствие тревожит меня. Исполняя свой долг, я пригласил всех членов свиты инквизитора Раббата, но не ожидал, что кто-то из них и впрямь явится. Мне приходит в голову, что Ташк может изъявить желание взглянуть на тело. От этой мысли я содрогаюсь. Безумие Раббата вытравлено у него на лице даже после смерти. Что, если Ташк попросит меня снять покров?

Ташк более не предпринимает попыток завести разговор. Он просто сидит, склонив голову, пока я вышагиваю вперед-назад.

Проходит не больше десяти минут, и я слышу снаружи грохот двигателей. Палки и листву сносит по проходу. Сквозь открытую дверь мне видно, что во дворе садится челнок.

В базилику неспешно входит отец Арзен. Он облачен в багряное одеяние, царственная голова слегка запрокинута назад. Наполовину прикрыв глаза, он смотрит в видимую лишь ему одному вечность. На протяжении многих лет я верил в Арзена. Каждое произносимое им слово, каждый подъем пальца выверены, чтобы подкрепить окружающую его ауру божественной мудрости. Он так легко скользит по плитам пола, что кажется, будто он вообще почти не делает шагов, а следующие за ним нижестоящие священники от благоговения сгибаются едва ли не вдвое. Арзен был наиболее доверенным советником Раббата - конфидентом, которому тот вверял тайны и сомнения, какими никогда бы не поделился со мной. Я хорошо себя знаю. Нельзя достичь чина крестоносца, не изучив каждую грань своего разума. Я завидовал Арзену, завидовал их связи с моим господином, но больше нет. Я заглянул под его маску. Арзен лжец - в точности как и все остальные. Когда Раббат нуждался в нем сильнее всего, его не было. Никто, кроме меня, не был готов остаться рядом с ним, когда его лишили званий и положения.

Его появление беспокоит меня так же сильно, как приход Ташка. Арзен ни разу не предложил мне помощь, пока я боролся за рассудок Раббата. Почему сейчас он здесь?

Он останавливается перед Ташком и пожимает дознавателю руки.

- Трагедия, - его слова эхом отзываются под сводами. - И тем больнее она для тех из нас, кто знал его *по-настоящему*.

Ташк кивает и отдергивает свои руки от рук Арзена.

Арзен шепотом произносит молитву, целует свои пальцы и прижимает их к металлу в голове Ташка. Затем он движется по проходу ко мне.

- Крестоносец Воконис, - он поднимается по ступеням к алтарю и встает рядом со мной, озирая разрушенную базилику. - Как отважно с твоей стороны вернуться *сюда*.

Арзен никогда ничего не говорит необдуманно. Его слова всегда тщательно подобраны, и я на миг

задумываюсь, что они означают. Он пытается поддеть меня? С чего бы мне не возвращаться сюда? Ему известно, что в смерти Раббата нет моей вины, и он знает, что подобное предположение ранит меня.

Он кладет свою руку поверх моей.

- Мы все любили его, Воконис, но я понимаю, что тебе тяжелее, чем кому-либо из нас.

К моему удивлению, похоже, что его забота неподдельна.

- Ты служил ему столь верно, столь долго, - продолжает он. - Кто может пожелать слуги лучше? Прочих из нас не было здесь при нем, когда он... - он понижает голос и придвигается ближе. - В последние недели он был скорбен разумом, не так ли?

Я не в силах заставить себя солгать и потому просто выдерживаю его взгляд.

Он кивает. Его глаза полны сочувствия.

- Должно быть, тебе было тяжело.

К нам подходит Ташк. В его взгляде такое же выражение.

- Нам следовало быть здесь и помочь тебе. Мы не должны были прислушиваться ко лжи.

Еще люди: исповедник Мелсан. Ее рыжие волосы зачесаны назад и завязаны узлом, не скрывая покрытого шрамами багрового лица. Как обычно, у нее такой вид, словно последний час она на кого-то орала и просто переводит дух перед следующим взрывом ярости. Как и за Арзеном, за ней следует процессия аколитов, несущих разнообразные реликвии и оружие.

Вслед за ней появляются и другие знакомые лица: священники Экклезиархии вперемешку с наемниками в бронежилетах и неуклюжими недолюдьми - пока вокруг алтаря не собирается около пятидесяти человек. Инквизитор Раббат обладал ресурсами во всех слоях общества, но я никак не ожидал, что они откликнутся на мой призыв.

- Братья, - произношу я, когда мое изумление сменяется восторгом от зрелища того, как много помощников Раббата здесь. - Товарищи в служении Ордо Еретикус, - мой голос разносится по всей базилике. - Я не лишаю Карию Прим ее самых благочестивых защитников просто так. Мне хорошо известно, сколь тяжелым стало наше положение и как драгоценно ваше время. Но я рад, что вы смогли прийти сюда сегодня. Это бы много значило для инквизитора Раббата.

Они молча слушают меня, и в их глазах я вижу уважение. Я неверно судил о них. Был слишком суров. Все это время я пребывал в ярости от того, что они не остались рядом с Раббатом, когда того вышвырнули в глушь, но теперь я понимаю - они лишь делали то, что должны были.

- С прискорбием вынужден подтвердить, что слухи правдивы, - продолжаю я. - Лорд-инквизитор Тирум Раббат достиг конца своего славного похода. Отныне каждый изменник и еретик на Карию будет спать немного спокойнее. Их великий гонитель пал. Бича ведьм больше нет.

Арзен кивает и шепотом возносит молитву.

Остальная толпа отвечает тем же, и воздух полнится хором придыханий.

Меня грозят захлестнуть эмоции, поэтому я быстро двигаюсь дальше:

- Я просил вас присутствовать, чтобы мы смогли восславить труд нашего великого главы и лидера: человека, посвятившего всю свою жизнь сохранению благословенной души человеческой.

Их глаза трепещут во мраке, и я вижу, что они тронуты. Они не хладнокровные перебежчики. Я осознаю, что они, в сущности, поступают отважно, просто явившись сюда.

- Вы проделали долгий путь, - продолжаю я. - Прошу, отдохните и поговорите. Поделитесь своими воспоминаниями об инквизиторе и найдите покой в мысли, что он принес правосудие Императора столь многим пропадающим душам. Затем, когда сядет солнце, мы вверим его дух Святой Терре.

Сразу же начинаются разговоры, и в базилике воцаряется странно праздничная атмосфера. Люди смеются и обнимаются. Слуги приносят гостям еду и вино. Я на мгновение чувствую прилив гнева, но затем вижу, что они делают в точности то, что я предложил - пересказывают истории великих триумфов инквизитора и поднимают тосты за его непоколебимую преданность Императору. Это уместно.

- Поведай нам правду, - произносит Арзен, приобнимая меня и подводя к одной из групп. - О суде над Волдори, - он вручает мне бокал вина. - Тебе так и не представилось возможности высказаться. И никто из нас не верит той лжи, что распространяли о тебе и инквизиторе Раббате. Если ты скажешь, что Волдори был колдуном, то все прочие могут катиться в преисподнюю.

Утверждение Арзена доставляет мне такое удовольствие, что я нарушаю воздержание, длившееся всю мою жизнь, и отхлебываю вина.

- Он *был* колдуном, - говорю я, встречаясь взглядом со всеми в группе. Они затихают, жадно внимая моим словам. Наконец-то у меня есть аудитория, желающая услышать правду. Жаль только, что Раббат этого не видит.

- Судьи в Тимфадах были ослеплены тем положением, которое Волдори занимал в обществе. Будь это кто угодно другой, они бы ни за что не поставили наше решение под сомнение. Прежде приговоры Раббата никогда не оспаривались.

Я поднимаю взгляд на купол.

- Именно в этом здании я добился от Волори правды, - слова, месяцами томившиеся у меня в голове, буквально выпрыгивают изо рта, чтобы их как можно скорее услышали. - У Раббата не имелось сомнений касательно виновности Волдори, и он был не намерен позволить его положению стать препятствием для правосудия, поэтому предоставил мне свободу действий, чтобы получить признание.

Вокруг собирается все больше скорбящих, им не терпится услышать мою версию тех событий, что погубили инквизитора.

Я опустошаю бокал, и его вновь наполняют. Вино настолько изысканно, что я мысленно отмечаю название, чтобы иметь возможность выпить его еще раз: *«Валгааст»*.

- Я не сомневался, что Волдори был пропадающим, - произношу я. - И я знал об этом задолго до его гибели. То, как он умер, несущественно. Его преступление было очевидно.

Мои мысли возвращаются в тот день, когда я обнаружил бледное и безвольное тело Волдори, плавающее в черной воде крипты.

- Утопление было слишком хорошим исходом для него. Я бы не выбрал столь естественную смерть. Его следовало доставить в Тимфады и предать казни на глазах у всех, кто когда-либо сомневался, будто

ересь ведет к гибели. Однако, разумеется, в том, что ему дали утонуть, не было ничего преступного. Он утратил право на жизнь.

От вина моя голова делается легче, и мне как будто не отделаться от воспоминания о плавающем трупе.

- Я *не* сомневался, - повторяю я.

- И когда инквизитора Раббата вызвали на суд Экклезиархии, он дал показания ясно и искренне. Он даже не отметил, что Волдори был сыном губернатора. Он знал, что правосудие Императора надлежит вершить без предубеждения и не делая различий.

- А тебя вызывали дать показания? - интересуется Арзен.

- Вызывали, и я был горд дать их. Я заверил суд в том, что Волдори признался, - мне становится труднее говорить убежденно, поэтому я отпиваю еще вина и повышаю голос, чтобы это компенсировать. - Волдори утонул потому, что Император не позволил ему долее пребывать в этом священном мире. Он умер потому, что не годился в живущие.

Арзен ободряюще кивает.

- А прочие истории - о том, что инквизитор Раббат якобы заигрывал с оккультизмом и некромантией - это тоже ложь, я полагаю?

Толпа безмолвствует.

Я снова пью вино.

- Инквизитор Раббат был хорошим человеком. В свои последние дни он запутался, только и всего. Он никогда не был еретиком. Но слухи так угнетали его, что он не владел собственным разумом. Однако он не совершил ничего неправильного даже тогда, после того, как вся планета повернулась к нему спиной.

Арзен качает головой.

- Вот почему опасно возвышать людей над законом. Допускать таких, как Волдори, в высшие круги лишь потому, что это сын губернатора - опасный путь. Будь Волдори кем угодно иным, никто бы не возвысил голос против инквизитора Раббата.

- Именно! - восклицаю я чуть громче, чем следовало бы. - И если бы они пришли сюда, если бы постарались понять наши методы, то и мечтать не могли бы о том, чтобы отлучить Раббата, - я опять опустошаю бокал и жестом приглашаю гостей в конец прохода. - Идемте! Идемте, взгляните! Мы применили все предписанные способы.

Пересекая базилику, я обнаруживаю, что меня слегка покачивает, и едва не поскользываюсь на влажных и мшистых камнях. Добравшись до лестницы, ведущей в крипту, я вижу, что все последовали за мной. Хорошо. Пусть все посмотрят. Мой разум пылает от волнения и, как я осознаю, от алкоголя. Я указываю рукой вниз по лестнице.

Я начинаю спускаться по ступеням, и осветительные сферы с мерцанием оживают, потрескивая в проржавевших плафонах.

Когда я схожу с лестницы и направляюсь вглубь по основному проходу, мои ботинки почти на фут погружаются под воду. Она быстро поднимается. Через несколько дней, когда течение переменится,

крипта окажется полностью затоплена, и вода будет пузыриться между плит в самой базилике. Так же, как это было во время гибели Волдори. Меня снова на миг посещает тревожное воспоминание о его бледном теле, плавающем во мраке.

Мы добираемся до конца уставленного саркофагами прохода, и я приближаюсь к запертой двери.

- Вот комната, где мы допрашивали Волдори, - говорю я, дожидаясь, пока подтянутся остальные. - Мы работали в полной секретности. Мы знали, что несмотря на положение Раббата, губернатор попытается вступить за сына, если узнает о том, что мы делаем.

В двери есть маленькое, плотно забранное оконце. Я смахиваю грязь и вглядываюсь в комнату. Мой разум возвращается в последний день, когда я говорил с Волдори. «Тебе меня не сломать! Тебе меня не сломать!»

На мгновение я забываю о группе у меня за спиной, вспоминая страдальческие вопли Волдори. Когда я увидел его в то последнее утро, то понял, что пути назад нет. Мы изломали его тело до полной неузнаваемости. Отпусти мы его в таком состоянии, не доказав вину и не получив письменного признания, губернатор казнил бы Раббата. Я не мог этого допустить. Сырой воздух въедается в меня. Я вспоминаю собственный ужас при мысли о том, что мой господин окажется опозорен лишь потому, что мне не удалось вытянуть признание из балованного мерзавца. Я воин, не дознаватель, и мне было больно думать, что мой недостаток опыта может погубить человека, которому я поклялся служить.

- Мы можем войти? - спрашивает Арзен, возвращая меня в настоящее.

Я киваю и достаю ключи. С глухим дребезжанием я отпираю разнообразные замки и толкаю дверь внутрь.

Большинство светильников вышло из строя. Работает лишь один на дальней стене, который прерывисто мигает, вспышками высвечивая содержимое комнаты - устрашающие орудия пыток и перевернутый стол, к которому Волдори был прикован во время моих допросов.

Все протискиваются в помещение мимо меня и озираются, но Арзен остается рядом со мной.

- Однако тебе так и не удалось получить письменное признание. Оно бы все так упростило, не правда ли? Если бы Раббат предоставил суду признание Волдори, они вряд ли бы так легко позволили губернатору повлиять на отправление правосудия.

Его лицо то возникает из темноты, то пропадает, но я все еще вижу в его глазах одно лишь сочувствие. Он не пытается высмеять меня или бросить тень на мои слова.

- Я *получил бы* письменное признание, - настаиваю я. - Если бы Волдори не утонул. В конце концов он признал бы свою вину.

Крики Волдори раздаются у меня в голове настолько отчетливо, что мне почти кажется, будто их могут услышать и остальные. «Тебе меня не сломать!»

Похоже, Арзен в замешательстве.

- Но он ведь признал вину, так же? Разве не это ты говорил суду? Пусть он и утонул, не подписав признание, но он же *сказал* тебе, что виновен, да?

Возможно, дело в сочувственном взгляде Арзена или же в выпитом мною вине, но я не в силах заставить

себя солгать. Я отвожу Арзена в сторону от остальных и понижаю голос:

- Он не признался в буквальном смысле слова. Но я *знал*. Знал без сомнения, что он виновен. И еще знал, что Раббата казнят, если будет доказано, что Волдори умер у него в руках, не оставив признания.

- Так ты солгал?

- Я не лгал, только не в глазах Императора. Волдори признал свою вину каждой своей хитрой выдумкой и уловкой. Перед тем как утонуть, он признал свою вину бесчисленным множеством способов. Я *знал*, что Раббат прав на его счет.

- Но ты сказал суду, что он признал вину.

- Я *знал*, что Волдори колдун, как знал это и Раббат.

Арзен пристально глядит на меня в темноте. Затем он кивает и сжимает мое плечо.

- Я понимаю. Я не стану делиться этим ни с кем. Но ты должен быть осторожен, старый друг. Если это дойдет до ушей суда, тебя казнят.

Я киваю, ошеломленный тем, что только что раскрыл ужасную тайну, и отхожу от него, пока не сказал еще чего-нибудь такого, о чем пожалею. Я приближаюсь к столу, где был прикован Волдори. Представляю, как тот лежал там, охваченный паникой, пока вокруг него поднималась вода.

Я совершенно ясно предупредил его, что если он не признается, то я оставлю его в этой комнате и не открою дверь, даже когда вода поднимется выше его головы. Мне не стыдно, что я солгал суду, ведь в виновности Волдори никогда не было сомнений. Но когда я думаю о том, что солгал Раббату – это совсем другое дело, и когда я рисую себе его лицо, у меня что-то скручивает в животе.

Я сказал ему, что это был несчастный случай и я не знал о том, что вода поднимется, но мне до сих пор больно от мысли, что я обманул его. Какой у меня был выбор? Мне было известно – если Волдори останется в живых и расскажет суду о том, что претерпел, сумев при этом подкрепить свою невиновность, Раббата отлучат. Кто мог предсказать, что его все равно изгонят? И кроме того, если бы раскрылась вся правда, ему бы не позволили жить дальше. Отлучение часто оказывалось равносильно казни. Я солгал ему, чтобы уберечь, однако меня до сих пор терзает боль от содеянного. Особенно теперь, когда мне известно, что с ним стало. Когда Раббат почувствовал мой обман, это свело его с ума. Позор отлучения и осознание, что и я в чем-то был с ним нечестен – эти две вещи надломили его рассудок.

Вода поднимается быстро. Еще несколько часов – и она зальет окровавленный стол. Удовольствие, которое я испытал при виде такого количества гостей, улетучилось. Единственное, о чем я в состоянии думать – как обманул Раббата, сказав ему, что смерть Волдори была несчастным случаем.

- Мы должны уйти, – шепчу я.

Никто не отвечает.

До меня доходит, что в помещении наступила странная тишина. Слышно лишь «кап-кап» воды и электрическое гудение светильника. Все голоса пропали.

Я оборачиваюсь.

Комната пуста. Я один во мраке.

Нет, есть еще Арзен, стоящий в дверном проеме.

Я бреду к нему в воде.

- Куда делись остальные? - спрашиваю я.

- Их здесь и не было, - отзывается он. - Только я.

Его голос звучит странно, и я осекаюсь, увидев, что это не Арзен.

Фигура в дверях одета в лохмотья, а ее тело раздуто.

- Волдори? - задыхаюсь я.

Он улыбается, и у него изо рта выскальзывает мокрица, скатывающаяся вниз по белой блестящей коже. Это Волдори, но у него глаза Арзена, и они полны тем же самым состраданием, которое вытянуло из меня ужасающее признание.

- Тебе меня не сломать, - произносит Волдори, все еще улыбаясь. Его слова сопровождаются бульканьем жидкости, лицо подрагивает.

- Ты *был* еретиком! - выкрикиваю я со смесью торжества и омерзения, шагая к нему.

Он отступает назад и захлопывает дверь.

Я слышу, как запоры с дребезжанием встают на место, протягиваю руку к поясу и обнаруживаю, что ключи исчезли.

На мгновение в окошке видно бледное лицо Волдори. Его глаза мутнеют, превращаясь в бесцветные сферы, но ему весело, в этом нет сомнений. Затем он отшатывается прочь и оставляет меня одного в камере.

Вода продолжает подниматься, и я мечусь туда-сюда в поисках выхода. Хватаю нож и рублю им цемент. Потом швыряю клинок в воду. Это бессмысленно. Я потому и выбрал эту камеру, что из нее нет выхода. За стенами только сплошная скала. И дверь я подбирал лично, используя армированную пласталь и петли, которые способны выдержать землетрясение.

Я оседаю, привалившись к столу.

Вода закручивается вокруг меня, и я начинаю кричать.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Панихида_/_The_Funeral_\(рассказ\)&oldid=12389](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Панихида_/_The_Funeral_(рассказ)&oldid=12389)

Эта страница в последний раз была отредактирована 14 апреля 2020 в 22:03.